

Пыльные

крылья

Александр Бинштейн

Александр Бинштейн

Пыльные крылья

«Издательские решения»

Бинштейн А.

Пыльные крылья / А. Бинштейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968085-3

Это третья книга стихов поэта, актера, музыканта Александра Бинштейна. У автора есть и своя сложившаяся аудитория, и свои критики. Некоторые тексты положены на музыку. А. Бинштейна читать интересно! Уже ради этого ему стоило взяться за перо. Мыслит автор ясно — и внятно излагает. Лучшие его строки афористичны и выполнены в духе Хайяма или Губермана. Автор пользуется очень разными ритмами, экспериментирует, ищет в сфере формы.

ISBN 978-5-44-968085-3

© Бинштейн А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
«Поэзии голос кажется шорохом...»	7
«Ох, снова, лопни мои глаза...»	8
«По отвесной стене, напрягаясь до рвоты...»	9
«Назови мое имя в полночь...»	10
«Вычерпай меня до дна...»	11
«Стрела, что бесцельно запущена в небо...»	12
«Из книги непрерывно вырываем...»	13
«Пролегла межа...»	14
«Что намерено, что потеряно...»	15
«Все мы под Б-гом ходим...»	16
«В трактире за столом, не зная страха...»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пыльные крылья

Александр Бинштейн

Дизайнер обложки Славик Рифф

Редактор Эвелина Ракитская

Фотограф Владимир Дзякевич

Иллюстратор Ирина Левашенко

© Александр Бинштейн, 2019

© Славик Рифф, дизайн обложки, 2019

© Владимир Дзякевич, фотографии, 2019

© Ирина Левашенко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8085-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дизайн и оформление обложки **Славик Рифф**

Иллюстрации **Ирина Левашенко**

Художественная фотография **Владимир Дзякевич**

Эту книгу посвящаю своим родителям: Бинштейну Семену Григорьевичу и Бинштейн Анне Самуиловне с благодарностью за их веру, любовь и поддержку.

Бинштейн Александр

Предисловие

Это третья книга стихов поэта, актера, музыканта Александра Бинштейна. Таким образом, речь не идет о дебюте. У автора уже давно имеются и своя сложившаяся аудитория, и свои критики. Некоторые тексты положены на музыку. Александр активно выступает, читает свои стихи на публичных мероприятиях. В особом представлении он не нуждается. Здесь же следует отметить динамику развития стихов, отличие этого сборника от предшествующих.

Все три книги – не тематические сборники, а просто подборки самых недавних стихов. Этим обусловлено тематическое, ритмическое разнообразие, неровность. Это не является ни достоинством, ни недостатком книги. Просто таков подход автора. Он не прорабатывает тему, как, например, любил делать Максимилиан Волошин, излагая аналогичные идеи в статьях, записывая сюжет стихотворений прозой для последующей рифмовки, подчиняя сборники какой-то общей идее. Здесь нет ничего похожего. Если читателю не понравилось какое-то стихотворение, что за беда! Следующее может не иметь с этим текстом ничего общего. И наоборот.

Главное отличие этого сборника от двух предшествующих в большей продуманности текстов, в большей его связи с литературной традицией. Первые два сборника подкупали простотой, незамысловатыми ритмами, остроумными наблюдениями, связь с песнями в стиле рок. Многие образы были взяты отсюда. В данном же сборнике удельный вес подобных текстов исчезающе мал. Александр пользуется очень разными ритмами, экспериментирует, ищет в сфере формы. Образы в очень значительной степени связаны с классической литературой. Много античной мифологии, один длинный текст – «По мотивам „Кентерберийских рассказов“ Джеффри Чосера.» И не только это. Уже в первом стихотворении, как кажется, есть очевидный намек на «The Bells» Э. По. В третьем стихотворении «песнь травы» – известный образ англоязычной литературы, можно вспомнить и «Траву» Э. Дикинсон, и роман «Трава поет» Д. Лессинг. Все это вполне созвучно содержанию идей А. Бинштейна. Список можно продолжать. Однако, влияния не ограничиваются англоязычной литературой. Стихотворение о пророке Ионе, вероятно, навеяно Пушкиным. И дело не только в том, что «Сказка о царе Салтане» содержит рассказ о горестных скитаниях по морским просторам, как и названная библейская история. Есть и характерные параллели. Например, у А. Бинштейна:

Иона, Б-гу помолившись,

Отправляется в дорогу.

У Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Помолясь усердно Богу,

Отправляется в дорогу...

Нужно сказать, что о Боге в новой книге А. Бинштейна сказано немало, чего в предшествующих сборниках не было. Имена и религиозные термины даются в древнееврейском звучании, а не согласно русской традиции Синодальной Библии. Когда-то М. Булгаков легализовал такой подход. При этом в сборнике немало стихотворений, обращающихся к русской народной традиции, использующих характерные для этой традиции слова.

Надеюсь, сборник порадует поклонников творчества А. Бинштейна новым своим новаторством, новыми ритмами, новыми идеями.

д-р философии Евгений Кузьмин

«Поэзии голос кажется шорохом...»

Поэзии голос кажется шорохом,
Мгновение слышно, и сразу затих
Стихи – утонувший в омуте колокол,
Поэт в этом колоколе – язык.
Головою бьется в колокольные стенки,
Пытаясь песню высечь из чугуна,
Но толща воды приглушает оттенки,
Пропуская навверх неясные обертона
Под водой копятся колебания и децибелы,
Эпицентр наполняется лавой рифм,
Тело колокола – вулкана жерло,
Извержение сметает райский коралловый риф,
Раскалённый язык ударяясь, вскрикивает от боли,
Радуетя и гордится тем, что у него болит,
Поэт, так стремится быть миром понятным,
Что, раскрывая душу, отбрасывает стыд.
Волны кругами расходятся, как цунами,
Сладкозвучный колокол превращается в набат,
Поэт словом милует и карает,
Кто не спрятался – он в этом не виноват.
Если же фальшивая капля в стоне,
Из колокольного брюха прозвучит невпопад,
То вранье это уже никогда не утонет.
Даже если Ниагарский выльется водопад.

«Ох, снова, лопни мои глаза...»

Ох, снова, лопни мои глаза,
Ночь держала скрипку в своих руках.
Душа-чертовка, рыжая егоза,
Тарантеллу плясала на прогибающихся костях.
На бумагу летели брызги – мысли,
Звёзды, кровь, вино.
Оголялась душа, подымалась в выси,
Погружалась на дно.
Пульс в упор, очередями бил по вискам,
Выстрелами изнутри,
Лунный свет в хрустальный кубок обращал стакан,
Шепот громкий требовал – «смотри!»
Распалялся разум, и с душой нагою, совершал инцест,
Сотрясались громом, над головою,
Купола небес.

«По отвесной стене, напрягаясь до рвоты...»

По отвесной стене, напрягаясь до рвоты,
Задыхаясь, глаза утирая от пота,
Ногти ломая и воя от боли,
Сдирая об камни колени до крови,
Цепляясь порой за сухие коренья,
Вершок за вершком, покоря сажени,
Стремился до самой вершины добраться,
Чтобы свободою там надыхаться!

И вот этот миг! Я добрался до края,
Теперь, непременно, я счастье познаю,
Я горд и свободен как вольная птица,
И в досталь победой могу насладиться.
Но вдруг, моему изумлённому взору,
Является пропасть, а не просторы.
Увы, оказалась разгадка банальна:
Я полз по поверхности горизонтальной.

«Назови мое имя в полночь...»

Назови мое имя в полночь,
Позови из холодной постели.
Называли меня – сволочь.
Увозили во время метели.

Зарывали меня в стужу,
Разбивали мерзлые комья,
Чтоб не вышел уже наружу,
Чтоб никто обо мне не вспомнил.

Ноги связаны крепким жгутом,
На дороге еловы лапы,
Да пургой хлещет ночь лютой,
И заказан мне путь обратно.

Положили меня в землю,
Обрели на меня управу,
А любил я всегда зелень,
Слушал я, как поют травы.

Назови моё имя в полночь,
Помани меня из могилы.
Покрути колесо опрочь,
И вернутся ко мне силы.

Где под мельницей плачет речка,
И пищат под стропилой мыши.
Ты мне раны мои залечишь,
Да и кол из груди вынешь.

«Вычерпай меня до дна...»

Вычерпай меня до дна,
Ковш Большой Медведицы,
Как Луна в ночи одна,
Только прялка вертится,
Из кудели тянет нить,
Вместе нам с тобой не быть.

Конский топот в тишине,
Да не видно конного,
Отворилась тайна мне.
Омута бездонного,
Омут, чёрная вода,
Ты уехал навсегда.

Приворотная трава,
Ведьмы старой снадобья,
Загудит, пойдёт молва,
Размешают с падалью,
Пусть судачат, дела нет,
Для меня ты целый свет.

Демон или кровь и плоть?
Знают только вороны.
Мне бы палец уколоть,
Чтоб проснуться вовремя,
Но теперь уж всё одно,
Я пила твоё вино.

Печь я на ночь натоплю,
Жарко будет в горнице,
В сети сокола ловлю,
Трепетная горлица,
На двоих накрою стол.
Милый снова не пришёл.

Пусть в печи трещат дрова,
Дымом дом наполнится,
Прошлогодня трава,
Заново не родится,
Вместе с дымом я в трубу,
Улечу искать судьбу.

«Стрела, что бесцельно запущена в небо...»

Стрела, что бесцельно запущена в небо,
Возомнив себя птицею на мгновенье,
На солнце блеснув боевым опереньем,
Достичь собиралась владения Феба.

Ей звон тетивы стал сладчайшею песней,
Трость камыша – ее полое тело,
Воздух пронзая, чуть слышно свистело,
Все выше и выше к пределам небесным.

Но тем, кто бескрылы – забыть о полёте,
И вот не пройдя половины дороги,
Споткнулась, стремившись к небесным порогам,
Утратила силы свои на излете.

Направлено в землю тяжелое жало,
И птичьи перья уже бесполезны,
Так с самых высот низвергаются в бездны,
Те, кто бунтарское носит начало.

Звучала тоскою последняя нота,
Пронзительной болью оплавав паденье,
Лягушки поплакали над погребеньем,
В ее усыпальнице на болоте.

«Из книги непрерывно вырываем...»

Из книги непрерывно вырываем,
Прочитанные второпях страницы.
Как факелы их тут же поджигаем,
Чтоб в чтение новых без задержек углубиться.

В потемках буквы шутки шутят с нами,
Но нам на миг нельзя остановиться,
Мы в свете факела как пономарь читаем,
Расчесывая зуд под власяницей.

И лишь глаза нащупать успевают,
Последний слог, кричащий перед точкой,
Как пальцы тут же с корнем вырывают,
Из книги лист, прочитанный досрочно.

И так от факела прикуривая факел,
Заглатываем мы повествование.
И нам пылает «мене мене текел,
Уфарес» на застенках подсознания.

Мы рвем быстрее, смысл ускользает,
Сожженных ангелов кружат над нами сонмы,
Нас искренне при этом изумляет,
То, что прочитанного мы ни черта не помним.

«Пролегла межа...»

Пролегла межа,
Чересполосица.
Словно след ножа,
Через переносицу.
Вечность
Корявым почерком,
Оставит росчерк свой.

С жизни станется,
Свистнет плетъ.
След останется,
Не жалеть.
Пусть царапиной,
Мелкой крапиной.
Болеать.

Рваной раны шрам,
Письмом-кириллицей,
Лег строкою по плечам,
Рекой извилистой,
Чтобы помнил сам,
В седую бороду,
Не стеной по волосам,
Снявши голову.

Зерна дней размолоты,
В жерновах,
Белой пылью волосы,
На висках.
Перемелется,
Куда денется,
Б-жья мельница.

«Что намерено, что потеряно...»

Что намерено, что потеряно,
Не спеши.
Жизнь намеренно вся разменяна
на гроши.
Тонкой ниткою, паутинкою
на колки,
А для памяти, по старинке,
Узелки.
Кто не борется, не напорется.
Частокол,
На мгновение ночь рассеется,
День прошел.
В тряпках нищенка, очи хищные,
Пустота.
И ледащего нянчит пашенка
Суета.

«Все мы под Б-гом ходим...»

Все мы под Б-гом ходим,
И умные, и дураки.
В бессмысленном хороводе,
Путая часто шаги.
Стенки касаясь руками,
Глаза безмятежно прикрыв,
Идём мы по самой грани,
Не зная, что рядом обрыв.
И сколько ушло, оступившись,
Их огонёк потух,
Глупых бесстрашных мальчишек,
И осторожных старух.
Пророчества – святотатство,
Не знает никто наперёд,
В реестрах земного царства,
Случайность не входит в расчёт,
Все мы под Б-гом ходим,
Среди остальных людей,
За день, в слепом хороводе,
Минуя десятки смертей.

«В трактире за столом, не зная страха...»

По мотивам «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера

В трактире за столом, не зная страха,
Кутили три пройдохи – вертопраха,
Не то, что меж собой они дружны,
Один с другого завсегда спустить штаны,
Готов был, пользуясь его сознанием пьяным,
И шутку грязную какую учинить,
И, прибегая, не стыдясь, к обману,
Последнюю монетку утащить,
При этом третьего в коварстве уличить,
И требовать того к ответу рьяно.

Вино рекою, видно были деньги,
Не знаю я, где их берет бездельник,
И почему он с лёгкостью такой,
Швыряет их в трактире на пропой,
Горланя песни непотребные, и тут же
Клянётся всем вокруг в любви и дружбе,
Коварно мысля, как соседу за столом
За шиворот накапать кипятком,
Вот это чудная была ему забава,
От смеху лопнуть можно будет, право.

И вдруг, в разгар их пьяного веселья
Процессия проходит мимо двери.
Три вертопраха ясно видят тут —
Знакомца их на кладбище несут.
И в качестве почётного эскорта,
Четыре нищих полупьяных обормота.
Покойник синий от блевотного удушья,
И даже чёрт его не хочет душу.
Мерзавцев проняло так, что вспотели,
Они вчера с покойным песни пели.

– Каков был мОлодец! – бродяги загалдели.
Красавец, и душа, как из купели,
А добродетелен, пожалуй, как святой,
Его мы знали, он бывал порой
Наивный, чистый, словно Божий агнец!
При том никто ни слова не сказал,
Что давеча покойный обыграл,
С краплёною колодою, мерзавец,
Их всех троих (он очень постарался),
И на гроши их в стельку нализался.

Кто? Кто сотворил такое с ним?
Мы за него любому отомстим,
Как за любимого мы мстили бы за брата!
Чья подлая рука тут виновата?
Сейчас клянемся мы как на кресте,
Обидчика отыщем мы везде.
Скажите имя нам, и мы, как три борзые,
По следу пустимся чрез горы и пустыни,
Трактирщик, если знаешь, нам ответь!
– Его убийца носит имя «Смерть».

– Найдем! Мы Смерть из-под земли достанем!
Заслуженное будет наказание!
Веревка есть в суме, и тут в лесах,
Роскошные есть ветви на дубах!
– Остыньте, горлопаны, вам не ясно,
Со Смертью споры затевать опасно,
Сказал трактирщик, и добавил: – Сам,
Я слышал, в одиночку, к праотцам,
Он пятерых отправил на неделе,
Да так, что те и пикнуть не успели!

– Нам чёрт не брат! Учите храбрецов,
Мы быстро голову мешком ему накроем,
Ох, не избегнуть Смерти тумачков,
Пусть он силён, однако нас же трое!
За всё ответит нам, как на суде,
За что, кого, когда и где!
Кто знает, где теперь его найти?
А ну-ка, кто не трус к нему идти?
И поминая то чертей, то бога,
Отправились бездельники в дорогу.

Едва от города успели отойти,
Старик седой попал им на пути.
– Постой, отец, скорее нам ответь,
Не повстречал ли ты в дороге Смерть?
Иль может, слышал, где мерзавец этот,
И душегуб, всему известный свету,
Скрывается от мести и суда?
А мы втроём отправимся туда,
По-свойски мы втроём его проучим,
И поболтаться вздернем враз на сучья.

– Нет, – старец им тотчас же отвечал,
Сегодня, слава Богу, не встречал,
Хотя, на местных нагнетая страх,
Бывает часто в наших он местах.
И многие, кто на пути его встречали,

Об этом уж расскажут нам едва ли.
Я пару дней назад его видал,
Под тем вот деревом мешок он зарывал.
На расстоянье показалось мне,
Мешок увесистый монетами звенел.

Бродяги к дереву со всех несутся ног,
И вправду, там с монетами мешок,
Находят меж извилистых корней,
А ну, давайте их считать скорей!
И насчитали тысяч шесть дукатов,
Приходится по паре тыщ на брата!
Никто из них таких больших деньжищ
Не видел отродясь, не то что тыщ,
Ведь даже медяки из их карманов
Вмиг обращались в звон пустых стаканов.

– Однако, стойте, как же в город мы пойдём?
В руках с таким увесистым мешком,
Ведь тут же каждый будет рад,
В товарищи нам близкие набиться,
За наш, за счёт на дармовщину поживиться,
Так быстро утечёт наш клад.
Умнее нужно быть, и ночью, в аккурат,
Мы в город незаметно прокрадемся,
Давайте-ка мы темноты дождёмся.
И все поделим, как делил бы с братом брат.

Разумным тотчас же признавши сей совет,
Мерзавцы сели ждать, когда же свет
Дневной померкнет, и к закату,
Склонится солнце и сойдет на нет,
И тайно можно будет, избегая бед,
Пробраться в город не попавшись страже.
Но только голод мучит их и, пуще, жажда.
Нутро горит. Жара палит нещадно,
И решено послать в трактир гонца,
Пусть, расторопно, мяса и винца,
Принёс бы. То-то будет ладно!

По жребию назначили гонца,
Галопом тот, не хуже жеребца,
В трактир помчался, только пятки засверкали.
А двое у мешка на страже встали,
Глаз не спускают, ни с добычи, ни друг с друга,
Мешок верёвкой перевязали туго.
И тут один другому говорит:
– Хочу поставить я тебе на вид,
Я арифметику учил в церковной школе,

Получат двое больше, нежели трое.

Договоримся так: с вином,
Злосчастный наш гонец вернётся,
Ты выпей, и тебе придётся,
Сыграть, что пьян ты, и что он,
Тебе девицей показался,
И бес в тебе вдруг разыгрался,
Его хватай за сиськи смело,
Он даст отпору, ясно дело.
Я промеж вас, чтоб вас разнять,
Тебе лишь нужно обождать.

Как на руках его повисну.
Следишь ли за моей ты мыслью?
Ножом его бей под ребро!
– Да, все задумано хитро.
Отныне, как родного брата,
Тебя я чту, и непредвзято
Скажу, что впредь тебя во всём,
Как это дело провернём, я слушать буду,
А покуда мы бедолагу подождём.
Готов у нас ему приём.

Гонец с вином вернулся, вот он,
Разыграно, ну как по нотам,
Напился крови свежей нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.